

УДК 9:316.4

Федоркин Н.С.

Лидирующая роль государства в формировании гражданского общества в переходных странах

Федоркин Николай Семёнович, доктор философских наук, профессор, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова заведующий кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: seneca-j@yandex.ru

Представленный текст является продолжением темы статьи автора «У истоков гражданской свободы в России. К юбилею первого системного проекта модернизации страны», посвященной 150-летию юбилею Великих реформ в России и опубликованной в журнале «Пространство и Время» в № 4(6) в 2011 году¹. Выявлены некоторые уроки Великих реформ для современного этапа российской модернизации, раскрыты лидирующая роль государства в процессах демократизации стран транзитного типа, проблемы и специфические черты формирования гражданской культуры в современной России.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданские и политические права, политическая система, механизм властвования, выборы, политические партии, группы интересов, гражданская политическая культура, политико-культурный генотип, правящая элита, политическое поведение и участие, модернизация.

Цель любой политической системы – обеспечить условия ее стабильного либо устойчивого функционирования и развития. Индикаторами такого процесса функционирования политической системы является ее *способность* относительно без конфликтно, избегая *кризисов*, обеспечивать себя ресурсами, *регулировать* отношения между властью и обществом и внутри власти, энергично и эффективно *реагировать* на внутри и внешнеполитические процессы, *создавать, размещать и распределять* в обществе ресурсы и ценности, системой средств и методов *символизировать* (демонстрировать) свою мощь, постоянно поддерживая *легитимность*, баланс отношений власти и общества. Подобная идеальная модель функционирования политической системы реально может быть реализована в странах с развитым гражданским обществом, там, где гражданское общество находится с государством в более или менее паритетных отношениях, где доминирующим типом политической культуры является гражданская политическая культура участия². Но даже и в развитых, или, как часто говорят, в «старых демократиях», этот механизм властного общения намного сложнее, и государство здесь часто выполняет поддерживающую, регулирующую роль в функционировании гражданского общества³.

Индикаторами отклонения от заданных параметров, норм функционирования политической системы выступают характеристики ее отдельных структурных микропроцессов: волеизъявлений граждан в ходе формирования институтов законодательной и исполнительной власти, артикуляции и агрегирования интересов граждан, разработки и реализации законов, осуществления контроля гражданского общества за институтами власти. Это далеко не полный набор переменных, характеризующих состояние «здоровья» системы в целом и ее отдельных структурных элементов, которые могут объяснить причины определившегося диагноза. Очевидно, что степень баланса взаимодействия конкретной политической системы и гражданского общества во многом определяется уровнем экономического, социокультурного и политического развития страны, целой системой факторов, связанных с

¹ Федоркин Н.С. У истоков гражданской свободы в России. К юбилею первого системного проекта модернизации страны // Пространство и Время. 2011. № 4(6). С. 23–31.

² Существуют различные подходы в понимании дефиниции гражданского общества. Рассматривая его в контексте механизма властвования в политической системе, автор определяет гражданское общество как совокупность социальных отношений и институтов, функционирующих относительно независимо от политической власти и способных через систему институтов опосредования (политических партий, групп интересов, групп давления) оказывать влияние на процесс принятия либо непринятия тех или иных политических решений. Сфера этих отношений ограничивается преимущественно «горизонтальными связями» самоорганизующихся различного рода ассоциаций, но при этом в процессе взаимодействия гражданского общества и государства между ними возникает силовое поле отношений, формирующее специфический механизм взаимодействия власти и общества.

³ См.: Марк М. Ховард. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М., 2009. С. 30–31; 54 и др.

историческими особенностями, географическим и геополитическим положением страны, ее размерами, климатом, этнической структурой, типом политической системы и государственного устройства.

В странах транзитного типа, в том числе и в посткоммунистических странах, вставших на путь либеральной модернизации, лидирующая роль государства в демократическом преобразовании обусловлена самой природой социально-политического механизма функционирования демократической социально-политической системы, которую здесь *только еще предстоит создать*. Реально эта роль проявляется, во-первых, в создании законодательной базы, регулирующей отношения в сфере взаимодействия государства и формирующегося гражданского общества, институализации прав человека и гражданина, закрепления этих позиций в международных институтах по защите прав и свобод граждан. Во-вторых, в исполнении государством важнейших функций гаранта декларируемых в Конституциях и в иных законодательных нормах прав и свобод граждан, в культивировании и привитии «вкуса» у граждан к ценностям права, следованию его нормам. В-третьих, в формировании условий для развития своей собственной социальной базы и социальной базы гражданского общества – среднего класса. В-четвертых, в оказании государством реальной поддержки в укреплении зарождающихся институтов гражданского общества и иных демократических институтов. В-пятых, в формировании у населения правовой и политической культуры, в создании реальных условий для активного, включенного и рационального участия граждан в общественной жизни страны. Словом, лидирующая роль государства в транзитных процессах проявляется в ходе трансформаций и развития *социально-политических институтов, политико-культурных и правовых ценностей, политического поведения индивидов*.

Однако утверждение демократии в переходных странах не сводится к простой «конституционной инженерии» и торгу в кругах элит. «Подлинная демократия – не механизм, который достаточно завести, чтобы он работал автоматически. Ее дееспособность зависит от народа»¹. Такая демократия представляет собой, скорее, *результат* длительного перехода, вставших на этот путь народов, чем простое приложение готового и реализованного проекта в западной версии к условиям различных по уровню своего развития и возможностям осуществления социальной модернизации стран, исторически оказавшихся на этом неизбежном по сути пути. Исторический опыт развития теорий модернизации за последние более чем полвека убедительно доказал, что далеко не все страны, даже при самых благоприятных возможностях, в состоянии осуществить ее. Требуются, по крайней мере, четыре необходимых условия, составляющих, к примеру, экономическую основу социальной модернизации. К ним можно отнести наличие значительных природных ресурсов, человеческих ресурсов, технологий, накоплений. Отсутствие этой основы для модернизации уже сразу может отсечь значительную часть развивающихся стран, которые по объективным основаниям вряд ли когда-либо вообще сумеют войти в группу развитых стран современного мира.

Но даже и при наличии этих оснований для социальной модернизации, которые в определенной ситуации могут обеспечить экономический рост, создать предпосылки для модернизации всей социально-политической системы, ее успешная реализация вполне может быть поставлена под вопрос. И этим вопросом является культура данного общества в широком смысле этого понятия² и тип политической культуры в частности. Уже цитируемый Р. Инглхарт еще в 90-е годы прошлого века отмечал, что «культура народа не может быть изменена в одночасье. Можно поменять правителей и законы, но на изменение базисных установок, определяющих своеобразие культуры нации, уйдут долгие годы. Даже при революционных преобразованиях всего вероятнее то, что их отдаленные во времени последствия будут значительно отличаться от того, что хотелось бы видеть революционерам, и что существенные элементы прежней модели общества сохранятся»³. Чтобы демократия стала зрелой, эффективной, полагает автор, необходимо нечто большее, чем институциональная структура и демократический настрой элит. Она становится результатом действия более масштабных эмансипационных сил, неразрывно связанных с человеческим развитием, с распространением ценностей самовыражения, которые и ведут к установлению демократического строя. Она прочно укореняется «в общий синдром человеческого развития, связывающий модернизацию с растущим значением самовыражения в массовом сознании, а также ценности самовыражения с демократией»⁴.

Обращение к многоаспектному творчеству Р. Инглхарта в плане рассматриваемой проблемы имеет оправданный и, частично, дискуссионный контекст. Он является сторонником тех авторов, которые ставят под сомнение доминирующую роль политических элит в переходных процессах к демократии, хотя и не отрицая ее в целом, отдавая приоритет «эмансипационным социальным силам», пробужденным ценностями самовыражения и поэтому способ-

¹ См.: Рональд Инглхарт, Кристиан Вельцель. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Перевод с английского. М., 2011. С. 11.

² Например, Б.С. Старостин выделяет четыре предпосылки или уровня культуры в совокупности влияющих на возможности и ход процессов модернизации в развивающихся странах. К ним он относил: технологический уровень культуры, управленческий, уровни политической и цивилизационной культуры. (Подробнее см.: Старостин Б.С. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. М., 1995. С. 8–23). Хотя следует отметить, что глобализация, например, способствует развитию оффшорного капитала и возникновению динамичных экономик в небольших государствах даже с авторитарными политическими режимами. Это вступает в противоречие с классическими теориями модернизации в ее либеральной версии и тем самым выводит проблему теорий модернизации в методологическую плоскость, что составляет уже самостоятельную тему исследования.

³ Цит. по: Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 195.

⁴ См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М., 2011. С. 333. Р. Инглхарт относит себя к сторонникам теории «эмансипационной демократии», в синтезе охватывающей процессы модернизации, культурных изменений и демократизации. В эпоху промышленной революции осуществляется переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, вследствие чего власть и авторитет стали утрачивать сакральный характер. На постиндустриальном этапе модернизации в культурной сфере начинает преобладать, по мнению автора, иной сдвиг – ценности *выживания* первоначального этапа модернизации замещаются ценностями *самовыражения*. Распространение ценностей самовыражения превращает процесс модернизации в процесс *человеческого развития*, повышающего степень индивидуальной свободы и расширяющего спектр выбора. Таким образом, осуществляется «гуманистическая» трансформация модернизационного процесса.

ных воздействовать в определенном направлении на политическое поведение элит¹. В случае, когда в обществе «широко распространены ценности самовыражения», иными словами, когда в обществе присутствуют социальные группы с активистским типом политической культуры, «духом гражданственности», тогда, естественно, можно ожидать «давления на элиты» со стороны пусть даже, добавим, слабо- либо среднеразвитого гражданского общества. И тогда действительно ценности самовыражения определенных социальных групп могут «подпитывать массовую оппозицию авторитаризму», а «ценности выживания», напротив, ограничивать ее масштабы. Словом, если в обществе формируются, в терминологии автора, ценности самовыражения, то они возникают не только у основной массы населения, но и у элит. Если, например, преобладающий тип политической культуры масс становится более враждебный по отношению к коррупции, авторитаризму, то те же черты приобретает и культура элит. Таким образом, концептуальная модель автора демонстрирует определенную последовательность в становлении эффективной демократии, отправной точкой которой «является социально-экономическое развитие, затем возникают ценности самовыражения, затем «порядочность» в поведении элит и, наконец, формируется эффективная демократия»².

Как всякая «модель», данная точка зрения, на наш взгляд, отличается определенной узостью подхода, схематизмом в понимании реальных политических процессов в переходных, да и не только в переходных, странах в историческом, страноведческом и политико-ситуативном аспектах. Этот взгляд чем-то напоминает полемику В. Ленина и Г. Плеханова по поводу возможности применения марксизма к условиям российской действительности конца XIX – начала XX вв. Как известно, ортодоксальный марксизм Г. Плеханова оказался несостоятельным в объяснении возможного развития оппозиционного процесса в России, хотя и верным с точки зрения догмы, «модели». В России победил не ортодоксальный марксизм Г. Плеханова, а ленинизм, учитывавший и догму, и необходимость ее «творческого развития», и специфику российского политического процесса, и специфику конкретных политических ситуаций, формировавших многоцветную ткань российского политического процесса, постоянно находившейся в поле зрения В. Ленина. Ленин был прагматиком, действовал как реальный политик, мог при необходимости идти против течения, а Плеханов довольствовался ролью политического доктринера. В отличие от Г. Плеханова, В. Ленин руководствовался пониманием *политики как искусства возможного*, предвидя и обосновывая возможные варианты развития политического процесса в калейдоскопе его меняющихся фаз и этапов.

В неразвернутом плане в этом частном примере мы видим и ту огромную потенциальную роль политического лидерства и политической элиты – положительную и негативную, какую они могут играть и на этапе борьбы за демократические преобразования страны, и на этапах, когда элита, обладая реальной государственной властью, осуществляет свои проекты социальной и политической модернизации. В рассматриваемом контексте политическая история России дает нам концептуальное представление о роли государства, политических элит и общества в драматических процессах демократизации страны на разных ее исторических этапах развития вплоть до наших дней, то есть на доиндустриальном (XIX в.), индустриальном (XX в.) и постиндустриальном (современная Россия).

Для всех этих этапов характерной особенностью попыток социальной и политической модернизации России является то, что все ее проекты зарождались «сверху», имея свои *особенные причины, цели и задачи, идеологическое обоснование и последствия*. А исторические особенности развития страны во многом определяют общность проблем и сложностей её перехода к современной эффективной демократии, с которыми стране приходилось уже встречаться и ранее.

Первый *системный проект* социально-экономической модернизации страны, Великие реформы 60-х–70-х гг. XIX в.³, хотя и являлся в известном смысле продолжением реформ Екатерины II и ее внука Александра I, но реально был следствием кризиса политического режима Николая I, остро проявившегося в ходе неудачной для России Крымской войны (1853–1856). Это была эпоха, когда власть и слабое российское общество в равной мере осознавали кризисный характер сложившейся ситуации и неизбежность коренных преобразований николаевской социально-политической системы. Власть инициировала реформы, разработала их концепцию как систему взаимосвязанных реформ, призванных обновить образ России, придать ей импульс развития с целью перевода в класс передовых стран того времени. По существу это был осознанный отход власти от изжившей себя в предшествующей эпохе изоляционистской политической идеологии, выраженной в известной триаде «православие, самодержавие, народность».

Отмена *крепостного права* составляла фундамент всех остальных реформ – местного (земского) и городского самоуправления, судебной системы, системы образования (университетского, начального и среднего образования), военной, финансовой системы. Концепция реформ рассматривалась властью как дальнейшее формирование в стране, после реформ Екатерины II, *гражданского строя*, наделение, вслед за дворянским сословием (1785 г.), личными, *гражданскими свободами*, огромной массы российского крестьянства – крепостного и государственно-го. Власть исходила из принципов, что гражданские свободы неприкосновенности личности, имущества и прав гражданских отношений могут быть постепенно обеспечены и в условиях абсолютизма.

Действительно, эти реформы в целом по своему характеру и содержанию для России были великими и либеральными по сути. Изменение статуса крестьян с необходимостью вело к изменению местного самоуправления, системы судов и судопроизводства. В 1861 г. было введено волостное и сельское крестьянское самоуправление с выборными от крестьян должностных лиц. Принципы *выборности* и *всесословности* легли в основу формирования губернских и уездных земских учреждений (1864 г.), городского самоуправления (1870 г.). Новая судебная система России после реформ оказалась одной из лучших в Европе. Суд был бессословным, состязательным, гласным с адвокатурой, с выборностью мирового суда, с судом присяжных, представленными различными социальными групп-

¹ См.: Там же. С. 315 и др.

² См.: Там же. С. 323.

³ Подробнее см.: Федоркин Н.С. У истоков гражданской свободы в России. К юбилею первого системного проекта модернизации страны // Пространство и Время. 2011. № 4(6). С. 23–31.

пами с большим участием крестьянства. Реформы потенциально создавали условия для формирования социальных лифтов горизонтальной и вертикальной мобильности наиболее активной части населения, что в целом вело в перспективе к изменениям социальной структуры общества. Использование властью *гласности* в качестве одного из важнейших механизмов подготовки и осуществления реформ активизировало деятельность общественных сил. Если говорить об истоках гражданского общества в России, то, бесспорно, можно утверждать, что его слабые ростки зародились именно в эту эпоху, хотя, как мы отмечали ранее, они прорастали в основном в границах дворянского сословия, имевшего к этому времени и гражданские права и относительную возможность пользоваться «свободой мнений». В формировании основ гражданского строя, начиная с эпохи Екатерины II, дворянству отводилась особая роль как носителю ценностей «среднего рода людей Запада. Этой установки на укрепление роли дворянского сословия последовательно придерживался и царь-реформатор Александр II.

Однако в целом либеральная концепция реформ, одобренная верховной властью, в ее последовательной реализации объективно должна была вступить в противоречие с монархическими убеждениями их архитектора. Император был глубоко убежденным монархистом, полагая, что и российский народ, и «высшие классы» не приобрели еще той степени образованности, которая необходима для представительного правления. В силу «прирожденного чувства» российский народ, утверждал император, видит в монархической власти посланника бога, отеческого и всевластного господина наделенного абсолютной властью. Начиная со второй половины 60-х гг. XIX в. в его реальной политике реформ все в большей мере просматривались консервативные элементы, формирующие механизм их торможения, восстанавливая против себя радикальную левую интеллигенцию, либеральную бюрократию и либеральную часть дворянства, нарождающиеся социальные группы «среднего рода людей» – реальных представителей формирующегося среднего класса. Выбрав путь гражданского развития страны, император не мог подняться до осознания уже имевшихся в политической истории западной Европы примеров того, что гражданские реформы пусть медленно, но с необходимостью ведут к изменениям и политической системы, в противном случае она в обязательном порядке вступает в эпоху конфликтных и кризисных процессов. На завершающем этапе политической истории российского самодержавия это противоречие политического поведения царя-реформатора в прогрессирующей форме получит свое развитие в политическом поведении последних двух императоров – Александра III и его сына Николая II, – уверенно, хотя и не осознанно формируя условия и среду исторической драмы страны 1917 года.

Первый из них, Александр III, после убийства своего отца 1 марта 1881 г., вопреки мнению большинства членов Совета Министров и некоторых членов семьи, возьмет путь на свертывание реформ, реанимирование дискредитировавшей себя еще в 1840-е годы политической идеологии «официальной народности»¹, ослабление демократических тенденций и усиление роли дворянского сословия. Будут урезаны права земств и городского самоуправления, упразднены мировые суды, университетские автономии и свободы, ограничен доступ к образованию женщин. Во внутренней политике произойдет всплеск поощряемый властью великодержавного шовинизма. Политику своего отца продолжит и последний российский император Николай II, который последовательно, до своего отречения от власти, будет охранять устои самодержавия «как охранял его незабвенный покойный родитель». А все изменения политической системы в России и трудный путь ее превращения в начале XX века в конституционную монархию станут следствием острой борьбы набиравшего силу, хотя и достаточно слабого по вполне объективным причинам, формирующегося гражданского общества.

Брошенное реформаторами 60-х–70-х годов XIX в. «семя реформ», даже с учетом их половинчатого и противоречивого характера, дадут ожидаемые всходы в конце XIX в., когда Россия прочно встанет на путь капиталистического развития. В стране успешно развивался мелкий и средний бизнес, промышленные компании, акционерные общества, банки, быстрыми темпами страна покрывалась железнодорожной сетью, формировался реальный средний класс со своими ценностями, потребностями и интересами. По темпам роста промышленного производства Россия значительно опережала многие европейские страны, а накануне первой мировой войны она займет *пятое место* в мире по объему промышленного производства, оставаясь при этом аграрной страной с низким уровнем образования населения и отсталыми технологиями.

Ориентация политического режима на усиление традиционных основ управления империей, стремление «подморозить» страну сверху, вступала в острое противоречие с реальными процессами социально-экономического развития страны, быстро меняющейся структурой общества, потребностями новых социальных групп. На рубеже веков Россия объективно подошла к необходимости *системной модернизации*, потребность которой плохо осознавалась новым императором и большинством правящей политической элиты. Не было к ней в должной мере готово и российское общество со своей удивительно слабой школой политического опыта и воспитания, с которыми оно вошло в новый XX век. Именно в эту переходную эпоху ярко проявятся те черты российской политической культуры и

¹ Среди столпов новой волны консерватизма, пропагандировавших идеологию «православия, самодержавия, народности», особо следует выделить К. Победоносцева, М. Каткова, К. Леонтьева, князя В. Мещерского, ренегата, бывшего идеолога «Народной Воли», Л. Тихомирова. Близкий друг императора, редактор консервативной газеты «Гражданин» (1872–1914 гг.), князь В. Мещерский в конце 80-х годов XIX века проповедовал, например, розги как самый результативный механизм, способный обеспечить покорность подданных. «Прекрати сечь, исчезнет власть. Как нужна соль русскому человеку, как нужен черный хлеб русскому мужику – так ему нужны розги. И если без соли пропадет человек, – рассуждал титулованный аристократ, – так без розог пропадет народ». (Цит. по: Еременко М.В. Царствование Александра III. М., 2008. С. 38). Напомним, что до 1904 года, что трудно даже представить, волостные суды в России могли приговорить *свободного гражданина*, правда, фактически скорее *подданного*, члена крестьянской общины, не достигшего 60-летнего возраста, к «патриархальной порке», телесному наказанию. По этому поводу еще в 1898 году Витте обращался уже к новому императору, Николаю II, с просьбой об отмене этого права волостного суда, поскольку «розги... оскорбляют в человеке Бога», а заодно он напомнил императору, что это противоречит «общему правовому сознанию и общим правовым нормам» страны. (Цит. по: Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. М., 1995. С. 214–215). Какие уж здесь демократические традиции нашей политической истории, которые по историческим меркам не вышли еще из младенческого возраста.

политического поведения, которые вполне можно отнести к специфическим феноменам отечественного политико-культурного гено типа, с трудом преодолеваемого в политическом процессе и современной России.

«Свободолюбивая российская интеллигенция» XIX в., внесшая огромный и бесспорный вклад в историю борьбы с самодержавием, как известно, принципиально отказывалась *от политической свободы и конституционного государства, политики*, обосновывая этот тезис убежденностью в возможности непосредственного перехода России к социалистическому строю, «минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства». В *разных контекстах* этот тезис развивался славянофилами и А. Герценом, либералами и консерваторами и, естественно, народниками. «Как Кавелин возражал против конституционных проектов, потому что в его время [в 60-е годы – Н.Ф.] народное представительство в России оказалось бы дворянским, так Михайловский отвергал конституционное государство [в 70-е годы – Н.Ф.] как буржуазное». И тот и другой, заметит один из авторов известного сборника «Вехи», обращали внимание на *социальную природу* конституционного государства, «хотя сущность его именно в том, что оно, прежде всего, правовое государство»¹, которое может быть и «дворянским», и «буржуазным» на разных этапах своего развития к зрелой демократии.

Идея «самобытности» российского пути развития, с ее идеализацией в различных интерпретациях «народного быта», доведенная до абсурда, станет тупиковой в развитии общественной борьбы, длившейся на протяжении почти всего XIX века. Переход в истории этой традиции к пониманию, что всякая социальная борьба есть борьба политическая, что *политические свободы* (политические права) и борьба за них являются гарантией сохранения и упрочения *свобод гражданских*, условием формирования в стране гражданского, демократического общества, в протестном движении станет осознаваться только с обращением в конце XIX века к марксизму и различным версиям его толкования российскими социал-демократами и «новыми» либералами. Поэтому в революционный для России XX век оппозиционные силы (либералы, социал-демократы, в том числе и «большевики», эсеры и др.) выйдут с минимальным опытом понимания сути *правовых порядков*, их значения и возможностей в демократическом преобразовании страны. *Правовой беспредел* бюрократического политического режима самодержавия будет противостоять *правовому нигилизму* значительной части оппозиционных сил, который, к тому же, будет дополняться еще и *максимализмом* оппозиции, ее неумением пользоваться искусством политики компромисса, сочетать в парламентской деятельности свои возможности с политическими и иными реалиями, действуя по принципу «все или ничего»².

Да по-иному и не могло быть. В обществе, хотя и в значительно меньшей мере, чем в XIX в., сохранялись еще стереотипы патриархального сознания, политической культуры подданнического типа. Опыт политического участия граждан был ничтожно мал и политический режим делал все необходимое, чтобы ограничить формирование условий и среды для активного и, тем более, включенного и рационально осмысленного участия граждан в общественной жизни страны. В думский период избирательное законодательство в руках власти, как и в современной России, станет инструментом, сдерживающим развитие демократического процесса. Начиная с реформ местного самоуправления (1864 г.) и включая думский период развития российской демократии (1906–1917 гг.) все выборы в России в местные органы власти и в Государственную Думу были *не всеобщими, не равными, не прямыми* с множеством цензовых и иных ограничений. В думский период активным избирательным правом в России пользовались всего лишь около 15% населения страны³.

Первыми и *единственными* в дореволюционной России демократическими выборами станут только выборы в Учредительное собрание 12 ноября 1917 г. В основе их организации лежали принципы всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Впервые в России избирательные права получили женщины и военнослужащие. Были отменены цензы: имущественный, оседлости, грамотности, по национальному и религиозному признакам. Выборы проходили по пропорциональной избирательной системе. Их результаты показали реальный расклад политических сил в стране⁴. За скучными цифрами результатов выборов уже можно было предвидеть и трудные пути движения России к демократии, где $\frac{3}{4}$ населения составляло крестьянство. Судьба первого в России демократически созданного *учредительного* политического института страны хрестоматийно известна. Он просуществовал один день – 5 января 1918 г. На следующий день ВЦИК издаст Декрет о роспуске Учредительного собрания.

С установлением советской политической системы почти на весь оставшийся XX век актуальность развития реальных демократических институтов, в том числе и формирования выборных институтов власти, ока-

¹ См.: Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С.111. В середине XIX века А.И. Герцен писал о том, что правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, стала для него определенной *школой*. Полное неравенство перед судом убило в русском человеке «всякое уважение к законности». Какого бы звания не был россиянин, он всюду нарушает закон, где это можно сделать безнаказанно. И совершенно так же поступает правительство. «Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства» – афоризм шефа тайной канцелярии Николая I графа А.Х. Бенкендорфа, – лучшая демонстрация природы традиции российского *правового нигилизма*, в том числе и его живучести в наше время.

² В западной традиции процесс перехода к демократическим формам правления осуществлялся естественно, на правовой основе и постепенно. В Англии, например, после прихода к власти в результате так называемой Славной революции 1688 года первого буржуазного короля Вильгельма Оранского, власть которого ограничивалась рядом «конституционных актов», политическая форма правления представляла собой *дуалистическую* конституционную монархию. Потребуется еще более 100 лет и целой группы промежуточных демократических реформ, прежде чем политическая система Англии приобретет черты нынешней, по своему классической *парламентской монархии*. Подобный путь к демократии пройдут Франция и США и другие страны. Россия не обладала ни одной из характеристик западной традиции движения к демократии, но зато как с одной, так и с другой стороны субъектов политического процесса демонстрировала жесткость и непримиримость политических позиций. Путь был один – к революции!

³ См.: Лазаревский Н.И. Русское государственное право. СПб., 1913. Т.1. С. 480.

⁴ Было избрано 707 депутатов. Из них: 370 (52,3%) – эсэров, 175 (24,8%) – большевиков, 40 (5,7%) – левых эсэров, 16 (2,3%) – меньшевиков, 17 (2,4%) – конституционных демократов, 2 (0,3%) – народных социалиста, 87 (12,2%) – представителей национальных партий и организаций.

жется не востребовавшейся. Постепенно в стране (к концу 20-х годов XX в.) сложится *тоталитарная политическая система*. Как конкретное воплощение на практике конституционных порядков, реальный политический режим страны будет разительно отличаться от его *формальных* конституционных норм¹.

Тем не менее, советская власть за удивительно короткий срок осуществит индустриальную модернизацию страны, создаст многоотраслевую современную промышленность, науку, доступную и качественную систему образования, обеспечит развитие условий для неограниченных возможностей социальной горизонтальной и вертикальной мобильности граждан, утверждения социального оптимизма и того феномена, который в идеологических клише получит название «морально-политического единства» народа. Все это, и многое другое, что является отдельной темой исследования, обеспечит победу Советскому Союзу в Великой Отечественной войне, беспрецедентное по срокам восстановление народного хозяйства, прорыв в космос, создание ядерного потенциала, превращения в великую мировую державу.

Обратной стороной этих успехов будут и огромные жертвы народа, порожденные, прежде всего, самой сложившейся в стране тоталитарной *политической системой*, оказавшейся неспособной в своем развитии к внутренней трансформации в политический режим демократического типа. Характерными признаками ее политического режима станут: идеологизация всей жизни общества, господство одной политической партии с фактическим приданием ей государственных функций (*партия-государство*), монополия власти на все средства массовой информации, навязывание обществу идеологии «вождизма, использование репрессивного аппарата для подавления инакомыслия и малейших признаков оппозиции, установление системы всеобщего контроля над поведением людей. Факторов объективного и субъективного характера, подорвавших устои сложившейся советской административной политической системы, было много. Однако процесс ее внутреннего разложения и «вырождения» был заложен в ней самой. Ее взрыв *должен был произойти*, речь могла идти только о времени. Это случилось в 1980-е годы.

Путь российского транзита от тоталитаризма к авторитаризму в рамках советской политической системы и от авторитаризма к демократии, начиная с перестройки и до настоящего времени, был и остается сложным и противоречивым. Конечно, за годы российских реформ в стране произошли системные изменения не только по формальному признаку «конституционной инженерии». В Конституции РФ 1993 г. принцип разделения властей, свобода слова, печати, совести, собраний, ассоциаций, многопартийность, политический плюрализм, свободные альтернативные выборы и другие права человека и гражданина рассматривались как высшие ценности, соблюдение и защита которых объявлялись обязанностью государства. Даже специфически российский вариант принципа разделения властей, закрепленный Основным законом РФ и наделявший президентскую власть практически авторитарными полномочиями, первоначально не мешал развитию процессов формирования в стране основ гражданского общества и правового государства². «Лихие 90-е» были не только эпохой перехода страны на рыночную экономику, но и временем формирования демократических основ государства, развития многопартийности, становления федеративных отношений, изменения социальной структуры общества и, вместе с ним, институализации социальных групп, которые постепенно утверждались в экономическом и политическом пространстве как его доминирующие субъекты.

Приватизация в той форме, как она происходила в России, способствовала «не столько укреплению, сколько «размыванию» социальной базы реформ, и усиливала массовые ощущения, что они проводятся, прежде всего, в интересах элитных групп»³. Эти группы структурировались из представителей бывшей партийно-комсомольской номенклатуры, работников торгово-распределительной сети, криминальных группировок, инициативных рабочих и служащих, руководителей госпредприятий и учреждений. Они составят основу класса *российских предпринимателей*, который постепенно от приватизации собственности перейдет к «приватизации» власти: либо непосредственно участвуя в ней, либо формируя в законодательных органах власти всех уровней мощные лоббистские группировки, либо создавая даже политическую партию, какой, собственно, и явилась впоследствии «партия власти» «Единая Россия»⁴.

¹ Советская политическая система в своем развитии приобретет те черты, которые характеризовали ее в последней Конституции 1977 г. Органами государственной власти являлась система Советов народных депутатов всех уровней. Их формирование осуществлялось на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Провозглашались политические свободы – слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Была возможность создания «общественных организаций», правда, лишь для «активного участия в социалистическом строительстве» и под неусыпным контролем государства. Реально же, «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций» являлась КПСС. Советы по существу были декоративными органами, в стране официально действовала цензура, политические свободы существовали лишь в тексте Конституции, реально все находилось под строгим контролем репрессивных органов. Выборы были безальтернативными, осуществляемые по разрядке сверху, и по существу не были ни тайными, ни свободными, ни подконтрольными со стороны общества. Поэтому советские выборы можно назвать «выборами без выбора».

² Динамику российской избирательной системы см. подробнее: Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2006.

³ Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ) 1992–2002. М., 2003. С. 65. См. также: Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М., 2011; Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества 2000–2006. М., 2007.

⁴ Например, в 1999 году компания ЛУКОЙЛ финансировала избирательные кампании нескольких политических партий («Отечество – Вся Россия», «Наш дом Россия», «Единство», «СПС»), а также поддержала 90 одномандатников, более 60 из которых получили депутатские мандаты. (См.: Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство. Эволюция взаимоотношений. М., 2003. С. 202–208). В ГД РФ созыва 2003–2007 гг., по данным газеты «Ведомости», не менее «300 избранных депутатов из 450 являлись либо владельцами крупных и средних бизнесов, либо делегированными в парламент PR-менеджерами корпораций, либо профессиональными лоббистами, либо просто должниками инвесторов, купившим им место в списке или кампанию в одномандатном округе». (См.: Дума по разрядке // Ведомости. 2003. 30 декабря). А в целом в Федеральном собрании РФ этого созыва работало 32 долларовых миллиардера. (См.: 500 миллиардеров // Финанс. 2007. № 6. 12–18 февраля).

При этом на протяжении всех 90-х годов правящая элита меньше всего беспокоилась о создании социальной базы нового социально-ориентированного российского государства – среднего класса. Проведенные в рамках разработки Государственной концепции поддержки малого бизнеса, социологические исследования показывали, что основными препятствиями на пути его развития выступали и продолжают выступать несовершенство системы налогообложения (60,1% респондентов), высокий уровень коррупции (32,2%) высокие ставки при получении кредита (50%), ставки арендной платы и многое другое. По разным оценкам, в социальной структуре российского общества в начале нового века он не превышал 18–22% трудового населения, сконцентрированного в основном в крупных мегаполисах. В его состав включается и такая специфическая и объемная для страны социальная группа, как российское чиновничество. По данным на начало 2007 г., эта часть в среднем классе составляла 54%¹.

Фактически реальные представители среднего класса в 90-е годы, да и позднее тоже, полагались на собственную активность, в которой и видели единственное условие жизненного успеха. Для этой, трудно зарождающейся социальной группы, безусловен приоритет ценностей демократии, индивидуальной свободы, сравнительно высокий интерес к политике (свыше 70%), высок потенциал гражданственности. В стратификационном аспекте эта группа вписывалась, в основном, в молодежную страту. Но на рубеже веков голос среднего класса практически не был слышан, ни в общественной, ни в политической жизни страны. Так, к примеру, в Государственной Думе созыва 2003–2007 гг. представительство малого и среднего бизнеса составляло всего 1,58%². Поэтому, скажем, М.К. Горшков на рубеже веков совершенно точно определил место среднего класса в общественной жизни страны, признав его *наличие*, но и одновременно определив его как «молчаливое меньшинство»³. Сделать его голос слышимым – это фактор и реальная проблема формирования гражданского общества. Это одновременно и задача для решения ее совместными усилиями государства и общества. Государство в лице правящей политической элиты в решении этой задачи явно отставало, концентрируя свое внимание совершенно на иных аспектах реформирования политической системы страны.

Уже начиная со второй половины 90-х годов, в организации избирательного процесса страны станут проявляться такие моменты, которые в последующем приобретут черты устоявшейся и вполне осознанной властью тенденции. В правоприменительной практике организации избирательного процесса стали очевидными тенденции ограничения избирательных прав граждан, возведения в норму как неформального института «административного ресурса», бюрократического пути формирования партийных структур «сверху» и использования его в качестве инструмента влияния на избирательный процесс. Попасть, например, в избирательный «список Ю.М. Лужкова» – либо лобного другого губернатора на местном уровне – не без оснований считалось гарантией получения депутатского мандата. Эти «списки» публиковались открыто в средствах массовой информации.

Такая тенденция получит свое закрепление и в целом ряде институциональных изменений в избирательной системе с четким *запретительным контекстом*. В эпоху президентства В.В. Путина будут введены ограничения на проведение общероссийского референдума, ужесточены требования к политическим партиям, введена пропорциональная избирательная система, отменены выборы глав субъектов РФ, институт избирательных блоков, независимые общественные наблюдения на выборах, графа «против всех» в избирательном бюллетене, повышен заградительный барьер. Все это будет дополнено ужесточением правоприменительной практики *избирательных комиссий и судов*, которые будут ограничивать конкуренцию на выборах путем недопуска и снятия с выборов популярных кандидатов и партий. В избирательном процессе этот специфический ресурс для будущих претендентов станет важнейшим после финансового. В отечественной литературе направленность этих трансформаций в избирательной системе получит название «бюрократических контрреформ»⁴.

Именно в это время в стране станет отчетливо проявляться *усиление* взаимного отчуждения власти и общества. При внешне приобретаемой политической системой черт стабильности усиливался процесс формирования в обществе типа политической культуры «наблюдателей»⁵ с вполне определенной его мотивацией. Мониторинг социополитической динамики российского общества с 1994 г. показывал прогрессирующий рост числа граждан, осознающих то, что они не могут влиять на политические процессы в стране. Если в 1994 г. этого мнения придерживались 47% респондентов от опрошенных, то к 2006 г. этот показатель вырос до 72%. По нарастающей

¹ См.: Новый средний // Ведомости. 2007. 2 февраля.

² См.: Гаман-Голутвина О. Государственная Дума ФС РФ 1993–2003 гг.: эволюция персонального состава // Власть. 2006. № 4. С. 30.

³ Горшков М.К. Некоторые методологические аспекты анализа среднего класса в России // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 10–12.

⁴ См.: Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2006. С. 154,188. Мы солидарны с этой точкой зрения. В это время появится и термин «управляемой демократии», можно сказать *управляемой бюрократией демократии*. В недрах бюрократии начнет формироваться образ В.В. Путина как «национального лидера», стоящего фактически над властью. За короткое время на этом пути будет сделано удивительно много ошибок, которые больше похожи на «подставы» своего шефа. Чего стоят только недавние археологические подводные открытия Владимира Владимировича, не говоря уже о прочих неудачных пиаровских акциях его имиджмейкеров. Они никак не вяжутся ни со временем и состоянием страны, ни с ее реальными и мнимыми успехами, ни с обществом, которое уже давно ушло из XIX века и, конечно же, не готово ни при каких обстоятельствах воспринимать дважды дискредитировавшую себя в истории страны идеологию «православия, самодержавия, народности». Современной России вряд ли нужен «отец отечества», в лучшем случае это надо заслужить великими делами, оценить которые должны потомки. Не нужно это и вполне современному и во многом успешному гражданину В.В. Путину, который мог бы стремиться стать великим Президентом, быть гарантом прав и свобод человека и гражданина, строго выполняя уже давние обещания обеспечить в стране господство «диктатуры закона». Но именно этого в эпоху его президентства так и не произошло.

⁵ Политическая культура «наблюдателей» относится к категории фрагментированных культур, «для которых характерно отсутствие прочного общественного согласия о путях дальнейшего развития общества, отчужденность массы населения от власти и заметные различия в политических ориентациях возрастных когорт или поколений». См. подробнее: Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 193–196.

укреплялось мнение граждан в том, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей». В 1994 г. этого мнения придерживалось 66% респондентов, а в 2006 г. уже 80%. На вопрос о том насколько сегодня значительны противоречия и неприязнь в современном российском обществе верхние позиции занимали противоречия между *народом и властью* (62%), между *бедными и богатыми* (72%), *низшими и высшими* классами (63%)¹.

В эпоху президентства В.В. Путина и сформировавшегося «тандема» сложилась и современная политическая система страны с *доминирующей* политической партией «Единая Россия». В ней руководство (правящая элита) и управление (бюрократия) стали дополнять друг друга, внутренне интегрироваться, придавая ей содержательные черты бывшей советской политической системы. А проведенные контрреформы избирательной системы, которая во многом определяет сущность реального механизма властных отношений в стране, стали придавать российскому государству черты *элитистской* государственности. Что, в свою очередь, фактически освобождало власть от контроля со стороны общества и этим способствовало дальнейшей *бюрократизации* политического режима, развитию *правового нигилизма* и, как следствие этого, укоренению в стране *системной*, в том числе и *политической, коррупции*.

Сказанное было очевидным для высших эшелонов власти. К примеру, на заседании Правительства 6 апреля 2006 г., в то время еще первый заместитель Председателя Правительства РФ Д.А. Медведев назвал коррупцию *главной проблемой российского общества*. Бывший министр экономического развития Г.О. Греф проиллюстрирует знание механизма связи деловой и политической коррупции на примере российской нефтянки. Президент РФ В.В. Путин как самое опасное в политической коррупции выделит то, что она *поразила судебную и правоохранительные сферы*. Лидер верхней палаты ФС РФ даже приравнивает политическую коррупцию к «государственной измене». Председатель Конституционного Суда с горечью признает, что «мздоимство в судах стало одним из самых мощных рынков коррупции в России. Судебная коррупция, – заметит В.Д. Зорькин, – встроена в различные коррупционные сети, действующие на разных уровнях власти: например, в сети по развалу уголовных дел и по перехвату чужого бизнеса»². «Басманное правосудие», «самый басманный суд» – эти термины политической публицистики станут крылатыми выражениями эпохи российского транзита начала XX века. Но где же *политическая воля* правящей элиты, где обещанная на рубеже веков новым российским Президентом конкретная «диктатура закона», которая должна выступать не только карающим мечом, но и воспитательным средством уважения к закону, *привития у граждан правового сознания* как конституционной нормы? Где конкретные результаты преодоления этих недугов российской государственности на пути к демократии? Этих результатов практически нет. Правящая элита деликатно обходила и продолжает обходить самые острые и самые болезненные вопросы формирования и становлении демократической государственности в стране и ее социальной базы – развитого гражданского общества.

Следует ли говорить о том, какую огромную разрушительную силу для государства имеет коррупция в системе политических институтов власти и, особенно, в системе правоохранительных и судебных органов. Правовой нигилизм и политическая коррупция разлагают механизм государственного управления страны, подрывают доверие народа к институтам политической системы, разрушают имидж власти внутри страны и в не лучшем свете формируют образ России в международных отношениях.

В общественном мнении не без основания сложилось убеждение в том, что российское чиновничество практически не подчиняется законам³. По нашему мнению, именно в этом контексте следует рассматривать «рокировку власти» 24 сентября прошлого года. Именно она является истоком последующих событий, связанных с активизацией еще слабого, но все-таки «подросткового», и одновременно недооцененного властью реального гражданского общества, и самих политических элит, неоднозначно воспринявших «рокировку». Общество в целом в этом процессе и в форме «размена власти» увидели посягательство на *гражданское достоинство*, оскорбление граждан и их прав человека и гражданина, потому что в самой форме этой рокировки шло посягательство на сакральную сторону власти. Первые лица государства превратили ее в разменную монету и продекларировали «городу и миру», что они решили это еще четыре года тому назад. Общество догадывалось о возможности таких договоренностей, но оно не было готово к такой форме их представления. Эта форма прямо не нарушала букву закона, но ниспровергала его дух. Ибо носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ в соответствии с ее Конституцией является ее многонациональный народ.

Последовавший после выборов в Государственную Думу РФ всплеск политической активности в форме протестного движения «За честные выборы» по всей стране продемонстрировал власти изменения в политиче-

¹ См.: Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества 2000–2006. М., 2007. С. 486–487.

² См.: Зорькин В.Д. Мздоимство в судах стало одним из самых мощных коррупционных рынков // Известия. 2004. 25 октября; Миронов С. Россияне достойны лучшего... // Аргументы и факты. 2007. № 48. С. 6; Скобликов П.А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России. М., 2007. С. 6; Федоркин Н.С. Политическая культура и коррупция: грани совместимости // Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации. Материалы круглого стола / Под ред. Н.С. Федоркина, Н.В. Карповой. М., 2009. С. 42–54.

³ По результатам опроса Левада-Центра, в 2011 г. 63% респондентов отметили, что деятельность высших чиновников страны направлена на обеспечение собственных интересов, и 85% респондентов считают, что чиновники сегодня практически не подчиняются законам. (См.: Независимая газета. 2012. 25 января). В этой связи уместно вспомнить выводы авторов работы «Власть, коррупция, честность» А.А. Рогоу и Г.Д. Лассуэлла. Склонность к честности или к коррупции они связывали с престижем и моралью анализируемого института власти. Если руководство института не служит моральным образцом, связанные с ним люди или его служащие могут добровольно согласиться или не оказать особого сопротивления коррупционному соблазну. Если представители института коллективно не проводят в жизнь моральные нормы, склонность отдельного человека к коррупции усиливается. Институты с высоким и растущим престижем и моралью привлекают больше амбициозных людей, думающих о карьере, чем людей нечестных, заинтересованных в содействии личному благосостоянию. Институты, утрачивающие власть или престиж, больше привлекают коррумпированных, заботящихся о своем богатстве людей, чем заинтересованных в успешной карьере. (См.: Рогоу А.А., Лассуэлл Г.Д. Власть, коррупция и честность. М., 2005. С. 81–82).

ском сознании определенной части российского общества и его готовность к активным действиям за свои гражданские и политические права. На уровне деклараций реакция власти была почти мгновенной в готовности проведения некоторых реформ политической системы. Эта проблема приобрела характер «повестки дня» и в проходящей сейчас в стране президентской кампании.

Характерно, что многие положения программы В.В. Путина декларируют то, что он мог выполнить и в годы своего президентства, или в эпоху сложившегося «тандема». Например, заложить фундамент модернизации страны, выстроить ее перспективу и концепцию. Ведь для того, чтобы выработать и реализовать последовательный политический курс на развитие, требуется время для определения приоритетов. У Владимира Владимировича такое время было, два президентских срока, но проблема модернизации страны так и не стала в его политике приоритетной. Современная Россия обладает огромными природными ресурсами, человеческими ресурсами, накоплениями и слабой современной технологической базой. Значит, есть направление развития и прорыва, есть, наконец, ресурсы. Причем, для России это развитие приобретает двух векторное направление: частичное восстановление индустриального потенциала, разрушенного в ходе развала СССР, и создание новой постиндустриальной экономики знаний. Вместо этого у инициатора нового этапа российской модернизации нынешнего Президента страны Д.А. Медведева ее осуществление предполагается некими методами *убеждения*. Раскрытием «творческого потенциала каждой личности», сближением «интересов личности, общества и государства» и все это мыслится осуществлять *в течение десятилетий*, которых, и это всем понятно, у России просто нет¹. Инициатива Президента как-то заглохла и по существу стала чем-то напоминать пиар проект. Но сама проблема остается первостепенной для страны и ее будущего!

Развернувшаяся в стране в условиях повышенной и обостренной политической активности президентская кампания, на наш взгляд, не принесет неожиданных результатов. Политическое пространство страны «зачищено» основательно и, конечно же, новым Президентом страны станет В.В. Путин.

В этой связи в контексте рассматриваемой темы можно предположить несколько сценариев дальнейшего развития политического процесса. Таких сценариев может быть три. Все они обусловлены новой политической ситуацией в стране, в которой Россия объективно оказалась на развилке своего пути.

Первый из них условно можно назвать *оптимистическим*. По этому сценарию Президент проявит *политическую волю* не только в демократизации обещанной властью политической системы, создании условий и среды формирования в стране гражданского общества, но и выступит реальным гарантом гражданских и политических свобод граждан. Это само собой предполагает беспощадную борьбу с коррупцией на всех уровнях власти, с правовым нигилизмом, разработку системы мер и институтов реального контроля гражданского общества за властными органами, формирование в обществе национального согласия. Инновационная модернизация страны становится ключевой проблемой общества, бизнеса, государства. Образ нового Президента в этом сценарии сам по себе будет смещаться с образа «национального лидера» к образу конституционного Главы государства, обладающего мощными властными полномочиями и нравственным авторитетом. Твердая власть, говорил Э. Берк, так же хороша и необходима как свобода. Демократия без власти – это власть толпы. Не исключено, что при успешной реализации этого сценария в политическую историю страны В.В. Путин может войти не как «отец отечества», «национальный лидер», а как первый великий российский Президент. Время расставит акценты. Но это трудный для будущего Президента сценарий, потому что он предполагает почти перерождение нынешнего премьера В.В. Путина. И в этом проблематичность возможной реализации этого сценария.

Второй сценарий условно можно назвать *пессимистическим*. Смысл этого сценария состоит в том, что будущий Президент будет и дальше следовать стилистике своей политики в русле естественных процессов развития экономики, политики, международных отношений. В экономике ставка на энергодобывающие ресурсы, в политике поддержание существующей политической системы с усилением авторитарных тенденций, и, как следствие, частые усложнения в политике международных отношений.

В чистом варианте после пробуждения политической активности определенной части российского общества развитие такого сценария маловероятно, даже исключено. Надо признать по своему выдающиеся способности В.В. Путина как сложившегося гибкого, осторожного и дальновидного политика. Чего стоит, например, быть лидером партии, членом которой ты не являешься, вовремя уйти в тень после ее поражения, и выстроить свои отношения с обществом как будто этого и не было. Хотя именно эта партия проводит его избирательную кампанию, широко используя «административный ресурс». Кто знает, может еще случиться и так, что мы услышим из уст будущего Президента страны критику единоклассников если не сегодня, то, например через 6 лет, когда нынешний Президент, возможно, станет одним из кандидатов на пост Президента страны, конкурентом В.В. Путину. Комбинация весьма интересная!

Скорее всего, будущий Президент будет выстраивать свои отношения по третьему сценарию, который, также условно, можно назвать *компромиссным*. В этом сценарии политик В.В. Путин с авторитарным типом лидерства будет согласовывать свои *возможности* с реалиями *политического поведения* пробуждающегося гражданского общества. Это путь встречного движения государства и гражданского общества к установлению между ними возможного баланса, обеспечивающего стабильность и устойчивость функционирования и развития политической системы, поиски путей ее дальнейшей демократизации. На ближайшие 6 лет это, по видимому, наиболее реальный путь укрепления гражданского общества в России и выполнения государством своих лидирующих функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990.
Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii. Moskva, 1990.

¹ Медведев Д. Россия вперед! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gaseta.ru/comments>.

2. Гаман-Голутвина О. Государственная Дума ФС РФ 1993–2003 гг.: эволюция персонального состава // Власть. 2006. № 4. С. 27–33.
Gaman-Golutvina O. (2006). Gosudarstvennaya Duma FS RF 1993–2003 gg.: evolyutsiya personal'nogo sostava. Vlast'. N 4. S. 27–33.
3. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ) 1992–2002. М., 2003.
Gorshkov M.K. (2003). Rossiiskoe obshchestvo v usloviyakh transformatsii: mify i real'nost' (sotsiologicheskii analiz) 1992–2002. Moskva.
4. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М., 2011.
Dvadsat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov. Pod red. M.K. Gorshkova, R. Krumma, V.V. Petukhova. Moskva, 2011.
5. Еременко М.В. Царствование Александра III. М., 2008.
Eremenko M.V. (2008). Tsarstvovanie Aleksandra III. Moskva.
6. Зорькин В.Д. Мздоимство в судах стало одним из самых мощных коррупционных рынков // Известия. 2004. 25 октября.
Zor'kin V.D. (2004). Mzdoimstvo v sudakh stalo odnim iz samykh moshchnykh korruptsionnykh rynkov. Izvestiya. 25 oktyabrya.
7. Иванченко А.В. Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2006.
Ivanchenko A.V. Lyubarev A.E. (2006). Rossiiskie vybory ot perestroiki do suverennoi demokratii. Moskva.
8. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Перевод с англ. М., 2011.
Inglhart R., Vel'tsel' K. (2011). Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. Perevod s angl. Moskva.
9. Лазаревский Н.И. Русское государственное право. СПб, 1913. Т. 1.
Lazarevskii N.I. (1913). Russkoe gosudarstvennoe pravo. Sankt-Peterburg. T. 1.
10. Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества 2000–2006. М., 2007.
Levashov V.K. (2007). Sotsiopoliticheskaya dinamika rossiiskogo obshchestva 2000–2006. Moskva.
11. Медведев Д. Россия вперед! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gaseta.ru/comments>.
Medvedev D. Rossiya vpered! URL: <http://www.gaseta.ru/comments>.
12. Миронов С. Россияне достойны лучшего... // Аргументы и факты. 2007. № 48. С. 6.
Mironov S. (2007). Rossiyanе dostoiny luchshego... Argumenty i fakty. N 48. P. 6
13. Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство. Эволюция взаимоотношений. М., 2003.
Peregudov S.P. (2003). Korporatsii, obshchestvo, gosudarstvo. Evolyutsiya vzaimootnoshenii. Moskva.
14. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998.
Rukavishnikov V., Khalman L., Ester P. (1998). Politicheskie kul'tury i sotsial'nye izmeneniya. Mezhdunarodnye sravneniya. Moskva.
15. Рогоу А.А., Лассуэлл Г.Д. Власть, коррупция и честность. М., 2005.
Rogou A.A., Lassuell G.D. (2005). Vlast', korruptsiya i chestnost'. Moskva.
16. Скобликов П.А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России. М., 2007.
Skoblikov P.A. (2007). Aktual'nye problemy bor'by s korruptsiei i organizovannoi prestupnost'yu v sovremennoi Rossii. Moskva.
17. Старостин Б.С. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. М., 1995.
Starostin B.S. (1995). Problema modernizatsii: istoriya i sovremennost'. Modernizatsiya i natsional'naya kul'tura. Materialy teoreticheskogo seminar. Moskva.
18. Федоркин Н.С. Политическая культура и коррупция: грани совместимости / Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации. Материалы круглого стола / Под ред. Н.С. Федоркина, Н.В. Карповой. М., 2009.
Fedorkin N.S. (2009). Politicheskaya kul'tura i korruptsiya: grani sovmestimosti. Politicheskaya kul'tura sovremennoi Rossii: sostoyanie, problemy, puti transformatsii. Materialy kruglogo stola. Pod red. N.S. Fedorkina, N.V.Karpovoi. Moskva.
19. Федоркин Н.С. У истоков гражданской свободы в России. К юбилею первого системного проекта модернизации страны // Пространство и Время. 2011. № 4(6). С. 23–31.
Fedorkin N.S. (2011). U istokov grazhdanskoi svobody v Rossii. K yubileyu pervogo sistemnogo proekta modernizatsii strany. Prostranstvo i Vremya. N 4(6). Pp. 23–31.
20. Ховард М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М., 2009.
Hovard M.M. (2009). Slabost' grazhdanskogo obshchestva v postkommunisnicheskoj Evrope. Moskva.